

DOI 10.25991/VRHGA.2021.22.2.007

УДК: 17.0, 165.

*М. А. Наровецкий**

**ХРОНИКИ УНИЧТОЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА,
ИЛИ ПУТЬ ОТ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ФИЗИКАЛИЗМА
К НИГИЛИЗМУ**

В статье разбирается вопрос зарождения метафизического физикализма, предпосылкой которого является позитивизм. Следствием метафизического физикализма является нонкогнитивизм. В традиционном понимании нонкогнитивизм ассоциируют с эмотивизмом, но более опасная его форма — нигилизм. Нонкогнитивизм обязывает сторонника метафизического физикализма устранить ценности, и поэтому неизбежно ведет его к нигилизму. Клайв Льюис и Уве Майкснер показывают фатальные последствия этой позиции, ведущие к уничтожению человека.

Ключевые слова: физикализм, нонкогнитивизм, эмотивизм, норма, позитивизм, нигилизм, К. С. Льюис, У. Майкснер, Э. Кант.

M. A. Narovetskiy
CHRONICLES OF THE ABOLITION OF MAN
OR THE PATH FROM METAPHYSICAL NATURALISM
TO NIHILISM

The article deals with the origin of metaphysical physicalism, the premise of which is positivism. A consequence of metaphysical physicalism is non-cognitivism. In the traditional sense, non-cognitivism is associated with emotivism, but its more dangerous form is nihilism. Non-cognitivism obliges the proponent of metaphysical physicalism to eliminate values, and therefore inevitably leads him to nihilism. Clive Lewis and Uwe Meixner show the fatal consequences of this position, leading to the destruction of man.

Keywords: physicalism, non-cognitivism, emotivism, norm, positivism, nihilism, C. S. Lewis, U. Meixner, I. Kant.

* Наровецкий Максим Алексеевич, аспирант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного РАН; Narovetskii.Maksim@yandex.ru

ВВЕДЕНИЕ

Считается, что метафизический физикализм как философское направление зародился менее века назад. И уже в наши дни, благодаря развитию идущих в ногу со временем физических, нейрофизиологических и биологических наук, кибернетики, функциональной психологии и социологии, укрепил свое положение, став таким образом доминирующей и в какой-то мере ортодоксальной точкой зрения.

Написанию данной работы послужило намерение осмыслить философские истоки зарождения метафизического физикализма как направления, а также изложить его системные следствия — влияние формируемой им мировоззренческой позиции на сферу познания, на духовное и ценностное формирование человека.

Для осуществления данного намерения мы предоставим краткую историко-философскую ретроспективу зарождения метафизического физикализма. Мы покажем, почему отправной точкой и предпосылкой его зарождения являются именно философские шаги Иммануила Канта, выделив два его философских допущения, ставшие основанием формирования позитивизма как прообраза метафизического физикализма. Далее мы проследим трансформацию позитивизма в метафизический физикализм. После этого определим философские производные физикализма и возникающие в связи с ними (физикализмом и его производными) философские и этические проблемы. Для этого обратимся к рассуждениям двух известных противников метафизического физикализма: к английскому философу Клайву Стейплзу Льюису, который одним из первых вступил с ним в неравную (Льюис не являлся профессиональным академическим философом) и непримиримую философскую борьбу, и к современному немецкому философу, последовательному оппоненту метафизического физикализма и исследователю философии Льюиса, Уве Майкснеру. Их аргументы укажут на ключевую ошибку метафизического физикализма, которая, в случае принятия данной мировоззренческой позиции, принесет его сторонникам (и не только его сторонникам) фатальные трудности.

РЕТРОСПЕКТИВА

Как известно, спор об источнике познания в философии не прекращается со времен античности. Одни полагают, что источником знания является эмпирический мир — физика, другие — что источником знания является сфера духовного — метафизика. Начиная с эпохи Нового времени это противостояние вступило в решающую фазу, и это связано в первую очередь с усилениями значения в познании мира естественных наук, метод которых отличается опорой на эмпирический опыт, нацеленностью на объективность и использованием математического языка. Именно математика становится важнейшим универсальным средством отыскания, формулирования и объяснения законов природы. Но с ростом авторитета естественных наук философия, опирающаяся на метод естественно-научного познания как единственно надежный, поставила

под вопрос достоверность знания метафизического, поскольку под вопрос метода попали неподвластные ему духовные сущности.

Первым философом, который взялся за обоснование самого метода и, показав его обоснованность, предпринял системную попытку обоснования метафизики с целью прояснения ее возможности и устранения вышеназванного противостояния и сделал в этом направлении два решающих шага, был Иммануил Кант. Утвердив естественнонаучное познание в качестве достоверного (позитивного) знания, Кант, сделав два решающих шага, открыл сциентизму дверь в область духовного, куда, вооруженные логикой, как методом рационального обоснования, вторглись представители логического позитивизма и их последователи.

ШАГ ПЕРВЫЙ: КРИТИКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ МЕТАФИЗИКИ

Как известно, Кант не был сторонником дуализма познания и разделения познания на априорное и опытное. Кант полагает, что метафизическое познание как таковое не может выступать источником знания, поскольку без привязки к опыту это знание является пустым. Единственное позитивное знание, а следовательно, знание, которое заслуживает доверия, — это знание, источником которого выступает эмпирический опыт. В своих «Пролегоменах ко всякой будущей метафизике» Кант критикует Дэвида Юма, который полагал, что формальные истины (год формальными истинами Юм понимал математические идеи: «Пусть в природе никогда бы не существовало ни одного круга или треугольника, и все-таки истины, доказанные Евклидом, навсегда сохранили бы свою достоверность и очевидность» [9, с. 21]), являются единственным необходимо-достоверным знанием, знанием которое не может определяться опытом или познанием мира как такового, поскольку знание о мире, полученное из опыта, лишь выглядит как достоверное, являясь по своей сути случайным, а на деле — проекцией человека и человеческого на мир.

В «Критике чистого разума» Кант заявляет:

Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы <...> Рассудок ничего не может созерцать, а чувства ничего не могут мыслить. Только из соединения их может возникнуть знание [4, с. 71].

Другими словами, Кант не рассматривает априорное познание как формальные истины, замкнутые в себе; преодолевая такое понимание сущности знания, он предлагает рассматривать априорное знание как одно из начал аппарата познания, которое привносит в опыт нечто безусловное и использование которого предполагает необходимое обращение к опыту. Познание — это наполнение априорно данного содержательным — опытом.

Итак, своим первым шагом Кант подвергает сомнению возможности метафизики.

ШАГ ВТОРОЙ: ОТРЫВ ОТ НРАВСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ — КРАЙНИЙ ЭТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Известно также, что Иммануил Кант является основоположником крайнего этического реализма. Кант противопоставляет субъективные интересы и предпочтения объективным этическим нормам и отвергает какое бы то ни было обоснование этической нормативности, исходящее из желания. Кант полагает, что единственным допустимым основанием этической нормативности может быть только свободная воля (или практический разум). Кант утверждает, что правильность поступка должна определяться не желанием и не ценностью объекта как такового, а исключительно уважением к «законодательству практического разума» или формальному соответствию поступка его разумным основаниям [6, с. 59]. Чтобы оставить в качестве оснований для морального поступка одни лишь операции разума, он предлагает всякий раз отделять «чистые операции разума от путанной и страстной эмпирической души» [8, с. 120]. Кант считает, что практический разум является единственным причиной, реализующей способность поступать согласно рациональным убеждениям; его «повеления» должны обладать законодательным статусом и принимать вид морального закона, который разум накладывает сам на себя (свободная воля, согласно Канту, понимается как практический разум). Универсальность морального закона заложена в требовании практического разума привести свои максимы в соответствии с принципом: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой, ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [4, с. 25].

Таким образом, Кант полагает, что нравственная ценность поступка определяется соответствием универсальному нравственному закону, и возникает исключительно из уважения к нему.

Но коль скоро основанием морального являются максимы разума, то моральное познание, отграниченное Кантом от «путанной эмпирической души», отграничивается тем самым от опыта, и становится трансцендентным миру.

Позитивизм — прообраз метафизического физикализма

Итак, в результате своих изысканий Кант ограничивает метафизику, открывая тем самым дорогу позитивизму, задачей которого, как бы парадоксально это не звучало, станет устранение с помощью физики метафизики, как таковой.

Русский философ Алексей Александрович Козлов считает, что общие свойства позитивизма состоят в

отрицании метафизики, как науки вообще, притом не определяя под метафизикой строго и ясно, что под ней подразумевается; если обобщить все, что позитивисты отрицают, имея ввиду метафизику, то можно заключить, что к ней относится учение о предметах не подлежащих чувственному опыту или вообще субстанциях и сущностях мыслимых умом» [7, с. 55–56].

Особенно позитивизм отвергает учение о Боге, о душе о ценностях и нормах, скрытно, под прикрытием естественной науки, перебираясь на другую сторону познания, где стоит лагерь позиций эмпиризма.

Не имея возможности отрицать психические явления, позитивисты сводят человеческие эмоции и чувства к химическим реакциям. А если появятся вопросы исследования происхождения психических явлений, то позитивисты не видят в них смысла, поскольку они неминуемо, по их мнению, перейдут в разряд отрицаемых ими метафизических обобщений.

Данной отрицательной стороне позитивизма противостоит положительное (позитивное) положение о том, что познанию подлежат лишь только явления и факты, данные в опыте.

Принципиальный момент отличия позиций позитивизма от эмпиризма состоит в том, что, когда речь идет о чем-либо (сущности или происхождении явлений, душе) недоступном к познанию в опыте, позитивисты оказываются исследовать эти вопросы, руководствуясь принципом, что нечто существует, но в то же время оно безусловно непознаваемо (эмпирики в этом случае говорят о пока еще неисследованном, но при благоприятном развитии естественнонаучного знания вполне способном стать познаваемым).

По мнению Козлова, основной задачей теории познания позитивизм считает овладение знаниями законов и явлений действительности, приспособление познания к законам и явлениям (к действительности), а законов и явлений действительности к себе.

После того как в начале XX в. позитивизм получает подкрепление в лице представителей так называемого Венского кружка, его задачей становится устранение метафизики с помощью средств формальной логики.

Позитивизм, вооруженный средствами логического анализа и методом естественных наук, но уже не с целью, которую изначально преследовал Кант, и действуя в области рационального, вычищает все то, что не поддается научному методу, — все духовное (ценности и нормы) либо должно поддаться научному изучению, либо должно быть устранено. Таким образом, сторонники логического позитивизма, еще не подозревая, что сулит им применение научного метода для очищения познания, облачаются в философию метафизического физикализма.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ФИЗИКАЛИЗМ

Метафизический физикализм приписывает физике онтологический авторитет, другими словами, физика выступает авторитетом относительно того, что есть в мире, а ее законы предполагаются истинными по отношению ко всем объектам, в том числе и ментальным. Один из известных метафизический физикалистов, логический позитивист Рудольф Карнап, утверждает:

Все предложения психологии описывают физические события, а именно, физическое поведение людей и животных. Это — подтезис главного тезиса физикализма, который сводится к тому, что физический язык является универсальным, т. е. языком, на который может быть транслировано любое предложение [10, p. 165].

Не менее известный философ, физикалист Уиллард Ван Орман Куайн, возражает Карнапу, полагая, что ментальные идиомы не поддаются рациональному

обоснованию, по той причине, что предложения, содержащие ментальные термины невозможно транслировать на предложения физикалистского языка, тем самым относя тезис логических позитивистов о сведении языка психологии к языку физики к нереализуемому. Куайн не преследует догматическую цель метафизического физикализма — сведение ментального к физическому, его цель исследовательская — отделить и там где возможно связать речь и физическое, а там где невозможно — дать несвязанному нейрофизиологическое объяснение.

Вернемся к метафизическому физикализму и подытожим.

Метафизический физикализм объявляет все реальное частью физическо-го мира, распространяя теоретические построения современного познания природы не только на физическую, но и на ментальную реальность. Такая постановка вопроса несет метафизическому физикализму ряд следствий.

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИНЯТИЯ ПОЗИЦИИ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ФИЗИКАЛИЗМА

Первое следствие: нонкогнитивизм

Одной из предпосылок зарождения нонкогнитивизма является логический позитивизм и его произведение — метафизический физикализм, а другой, как бы странно это не звучало, — обозначенная выше этическая позиция Канта. Данная предпосылка содержится в его тезисе о свободной воле, которая, пренебрегая опытом чувственного мира, сама себе полагает нравственный закон. Ключевым основанием для вынесения нравственного суждения, по Канту, является внутренний закон, а не некое положение дел, которое определяет то или иное моральное достоинство. Данное допущение Канта позволяет заключить, что моральные суждения не являются элементом, несущим знание о реальном мире. Развитие этого допущения ставит вопрос, являются ли моральные убеждения, выраженные в форме императива, а также оценочные суждения, свободные в своих фундаментальных основаниях от чувственного опыта (поскольку их основания находятся за пределами опыта), а значит от фактических положений дел, значимыми.

Сторонники нонкогнитивизма отвечают — нет.

Один из известных представителей нонкогнитивизма, Людвиг Витгенштейн утверждает, что знание об областях человеческой деятельности и о том, как устроен мир, не должно содержать ничего кроме фактов и их описания. Он убежден, что все, что лежит за пределами опыта, является непознаваемым, нечто, которое может обрести значение лишь в рамках опыта конкретного человека и в понимаемом именно им значении.

Все что мы стремимся выразить [оценочным суждением], может относиться к вспоминаю ситуации, в которых, любой, кто бы не употребил бы данные выражения, будет ссылается на свой, возможно первый и главный опыт, опыт, который каждый имел в своей жизни. ... И если же мы попытаемся [обобщить] данный опыт и выразить его словесно [в форме некоторого оценочного утверждения], то, в результате, мы получим полную бессмыслицу и неправильное употребление

слов [1, с. 241] (здесь и далее все добавления в квадратных скобках принадлежат автору статьи. — М. Н.).

Витгенштейн уверен, что «этика не поддается высказыванию, она трансцендентальна» [2, с. 70].

Таким образом, основным принципиальным положением нонкогнитивизма является отказ признавать все недоступные эмпирической проверке суждения о мире. По мнению нонкогнитивиста, суждения о фактах, или о том что может быть обнаружено в опыте, существенно отличаются от утверждений, описывающих нечто вне опыта (оценочных суждений). Суждения о фактах определяются тем, как устроен мир. Мы можем узнать о фактах, наблюдая за закономерностями или поставив эксперимент. В свете дальнейших наблюдений наши представления о фактах могут быть пересмотрены. В том случае, если убеждения будут соответствовать фактам, они будут истинными, а если нет — ложными, полагает нонкогнитивист. И поскольку моральные высказывания не сообщают ничего о мире, они не сообщают ничего о том, как он устроен. В том случае, если бы нонкогнитивист составлял полный отчет о мире, он не упомянул бы даже таких оценочных свойств мира, как красота или зло [12, р. 17–18].

В своем отрицании значения морального познания нонкогнитивист опирается на несогласие в нравственных оценках. Два человека вполне могут прийти к согласию относительно фактов, и все же могут не согласиться с моральными ценностями в силу разного к ним отношения. Возникающие моральные разногласия не могут быть урегулированы с помощью наблюдения или эксперимента, поскольку спор в них идет не о том, что можно наблюдать или верифицировать в опыте.

Нонкогнитивист считает, что по поведению человека сложно сказать, каким моральным принципам он действительно привержен. Нонкогнитивист допускает, что из моральных высказываний можно извлечь лишь информацию о чувствах, эмоциях и об отношении человека к некоему положению дел, фактам или образу действий, — данное допущение является вторым принципиальным положением нонкогнитивизма.

Итак, нонкогнитивизм утверждает, что моральные суждения, не могут являться убеждениями относительно того, как устроен мир, не могут быть ни истинными, ни ложными.

Второе следствие: нигилизм

Современный философ, исследователь онтологии, истории науки, современной логики, и философии норм, Уве Майкснер выделяет две разновидности нонкогнитивизма, одной из которых традиционно является эмотивизм.

Согласно эмотивизму: Предложения вида любые утверждения формы: «Факт А — хороший», «Факт А должен быть таковым» только выглядят как утверждения, т. е. как предложения, которые являются истинными или ложными. Однако, в действительности, они ничего не описывают и не являются ни истинными, ни ложными, а являются лишь эмоциональными высказываниями с ярко выраженным призывающим аспектом [12, р. 132–133].

Майкснер полагает, что когда мы говорим о неконгнитивизме в форме эмотивизма, мы не можем полностью вынести за скобки определенные значения чувств и эмоций, поскольку с феноменологической точки зрения нельзя сразу отказаться от того, что не существует адекватных нравственных чувств, которые, в частности, сопровождаются переживанием и осознанием определенных интерсубъективных обязательств, и даже переживанием и осознанием объективных обязательств, например, когда мы говорим о чувстве справедливости, присущем с раннего возраста большинству людей.

В отличие от эмотивизма, не признающего моральные обязательства и ценности значимыми, но допускающего их чувствование, радикальный неконгнитивизм — это полная утрата моральных чувств. В такой форме неконгнитивизм принимает вид этического нигилизма, позиции, приняв которую, человек утрачивает чувство ценного. Майкснер полагает, что настоящий этический нигилизм возникает тогда, когда человек не чувствует моральных обязательств и ценностей, это обычно приводит к тому, что в действительности человек не обращает на них внимания, относится к ним совершенно пренебрежительно и на деле показывает, что просто не принимает их.

ОТ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ФИЗИКАЛИЗМА И НИГИЛИЗМА К УНИЧТОЖЕНИЮ ЧЕЛОВЕКА

Английский философ, исследователь морального познания Клайв Стейплз Льюис изначально предполагает, что научный прогресс, имеющий претензию на всю полноту прозревания реальности, неминуемо ведет к метафизическому физикализму, т. е. к позиции, согласно которой все реальное объявляется частью природы и должно рассматриваться с чисто научной точки зрения.

В третьей части своей аполгии «Человек отменяется» Льюис показывает, как принятие метафизического физикализма приводит к этическому нигилизму. Льюис демонстрирует идею воплощения метафизического физикализма в действительность, демонстрируя, что принятие метафизического физикализма весьма вероятно становится не столько позицией интеллектуальной элиты, сколько и ее орудием, используемым для манипулятивного формирования удобных и «полезных» для элиты ценностей. Льюис приводит высказывания представителей интеллектуальной элиты, которая придерживается позиции метафизического физикализма:

Дао [Нравственный закон], которое, мы, по всей видимости, обязаны рассматривать как непреложное правило, является просто явлением, подобным любому другому, — отражением в сознании наших предков земледельческого уклада, в котором они жили, или даже их физиологии [11, р. 50].

Давайте рассматривать все идеи о том, как мы должны поступать, просто как занятый психологический пережиток: давайте все это отбросим и начнем поступать так, как нам заблагорассудится [11, р. 51].

Ценности теперь стали просто естественным явлением. Ценностные суждения должны формироваться в ученике, как часть кондиционирования. Чем бы ни было

Дао {Нравственный закон}, оно будет продуктом, а не мотивом обучения. Кондиционеры {члены интеллектуальной элиты} освобождены от всего этого [11, р. 61].

Принятие метафизического физикализма на вооружение интеллектуальной элиты, неминуемо отразится на тех, кто не к ней не принадлежит:

Мы просто природа, предназначенная для замешивания и разрезания на новые формы для удовольствия хозяев, которая, согласно гипотезе, не должна иметь никаких мотивов, кроме своих собственных «естественных» импульсов [11, р. 73].

Но помимо преимуществ, которые несет интеллектуальной элите метафизический физикализм, Льюис говорит и о решающем затруднении, которое также неминуемо ждет сторонников метафизического физикализма.

Я хочу сказать, что все те, кто стоят вне всяких ценностных суждений, не могут иметь никаких оснований для предпочтения одного из своих собственных импульсов другому, кроме эмоциональной силы этого импульса. <...> Логика их позиции в том, что они должны просто принимать свои импульсы по мере их поступления, случайно. И случай здесь означает природу. Именно из наследственности, пищеварения, погоды и ассоциаций мотивы кондиционеров и будут возникать [11, р. 65–66, 67].

Уве Майкснер полагает, что если объявить все реальное частью природы и рассматривать всю реальность с чисто научной точки зрения, на чем настаивает метафизический физикализм, то принятие определенных человеческих ценностей и норм не сможет считаться чем-то большим, чем естественное природное явление, которое обеспечивается природным причинно-следственным механизмом. И поэтому принятие любых ценностей, даже противоположных человеческим, возможно воспроизвести только в том случае, если метафизический физикалист преодолет причинно-следственный механизм, каким-то образом овладеет им и изменив начальные условия. Но как он это сможет сделать? Ведь согласно догме приверженца метафизического физикализма, принятие человеческих, да и любых других ценностей — одностороннее природное (причинно-следственное) явление. Отсюда следует, что для интеллектуальной элиты, которая приняла и навязала метафизический физикализм, не может существовать никаких веских причин придерживаться каких-либо ценностей. И даже несмотря на это, представитель интеллектуальной элиты может констатировать, что он придерживается избранных им научных ценностей и даже ценностей традиционно человеческих (он может говорить о прогрессе науки и росте благосостояния человечества), по настоящему принять он их не может, поскольку из его метафизической позиции следует, что факт констатации им принятия каких-либо ценностей не имеет никакого значения, кроме того, чтобы рассматривать его как то, для чего нужно найти научное объяснение, а с объяснением будет найден способ изменить исследуемое явление на свой лад.

С точки зрения метафизического физикализма нет веских причин для чего-либо, кроме отстраненного, аналитического, холодного взгляда, который также должен быть направлен и на нормы [ценности], (изначально) принятые им самим [12, р. 144].

Как отмечает Льюис, такой взгляд подобен взгляду василиска, «который убивает то, что видит, и видит, только убивая» [11, р. 80]. Поэтому не имеет значения, что член интеллектуальной элиты, будучи обращенным к метафизическому физикализму, все еще чувствует объективную привлекательность, которую должны нести в себе определенные этико-моральные принципы, привлекательность независимой от субъекта нормативной истины. Все это не может иметь для него никакого значения, поскольку в противном случае он будет иррациональным, ведь учитывая свою собственную метафизическую позицию, данное чувство перед этой позицией нельзя оправдать.

Майкснер полагает, что с точки зрения метафизического физикализма непротиворечивым будет являться только этический нигилизм, и человек, используя науку, придет к нему, но в том лишь случае, если и наука как ценность «не будет заложена им в колыбель нигилизма» [12, р. 144].

Нигилизм никоим образом не парализует вас, напротив: вы, наконец, получаете свободу делать то, что хотите, так, как вам кажется, и в той мере, в какой позволяет ваша собственная сила [12, р. 144].

Финализируя свое рассуждение, Льюис добавляет:

Кондиционеры будут действовать. <...> Все мотивы, претендующие на какую-либо значимость, кроме их чувственного эмоционального веса в данный момент, потерпели неудачу. Все, кроме *sic volo, sic jubeo*, было объяснено полностью [11, р. 65].

Таким образом, иллюстрация воплощения метафизического физикализма в действительность обнажает философскую ошибку, лежащую в основе принятия данной позиции, следствием которой является нигилизм, или отмена в человеке того, что позволяет называть его человеком.

Возможно ли в таком случае представить новую натурфилософию, постоянно осознающую, что «естественный объект», созданный посредством анализа и абстракции, не является реальностью, а только взглядом, и постоянной корректировкой абстракции? Я даже не знаю, о чем я спрашиваю [11, р. 78–79].

Ошибка заключается в смешении теоретических построений, сделанных на основе метода естественных наук с полной реальностью. Целью такого смешения является неизмеримое увеличение власти человека над природой или распространение «силы Человека на исполнение всего возможного» [11, р. 78]. Но данная цель несет ее соискателям определенный побочный эффект, который Льюис описывает «как сделку с магом, процесс, когда человек сдает объект за объектом и, наконец, сдает самого себя природе в обмен на силу» [11, р. 76], так что, следовательно, «завоевание Человеком природы оказывается в момент своего завершения завоеванием человека Природой» [11, р. 68], что означает не что иное, как упразднение человека: «Последним завоеванием человека станет уничтожение человека» (11, 64).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, хроника уничтожения человека получила свое изложение. Началась она с ограничения Кантом возможности метафизики и определения им же единственного источника нравственности, что открыло дорогу позитивизму (и в дальнейшем нонкогнитивизму), взявшему на вооружение физику для вторжения на ментальную территорию и очистки ее средствами логического анализа. Облекшись в доспехи логики и вооружившись мечом научного метода, логический позитивизм обернулся метафизическим физикализмом, задачей которого стало ниспровержение всего, что нельзя разрезать мечом. Итогом такого похода к реальности и решающим следствием метафизического физикализма оказался нонкогнитивизм.

Низвержение духовного и ценного станет победой низвержителя, но одновременно и его трагедией. Низвержитель, сделав шаг навстречу нигилизму, неосознанно делает шаг навстречу своему уничтожению, не понимая под тяжестью облечения, что он ввязывается в борьбу с самим собой, в которой он, к сожалению, обречен стать последней жертвой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витгенштейн Л. Лекция по этике (1929 или 1930 г.) // Историко-философский ежегодник / ред. Н. В. Мотрошилова. — М.: Наука, 1989. — С. 238–245.
2. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I / пер. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. — М.: Гнозис, 1994. — 612 с.
3. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Собр. соч.: в 6 т. — М.: Мысль, 1963–1965. — Т. 4, ч. 1. — 544 с.
4. Кант И. Критика чистого разума. — М.: Мысль, 1994. — 591 с.
5. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Кант И. Основы метафизики нравственности. — М.: Мысль, 1999. — С. 3–146.
6. Куренной В. А. Этика добродетели: предисловие к публикации // Логос: Философско-литературный журнал. — 2008. — № 1 (64). — С. 59–69.
7. Козлов А. А. Позитивизм Конта // Вопросы философии и психологии. — М., 1892. — Год III, кн. 15. — С. 53–70; Год IV, кн. 16. — С. 41–70.
8. Мэрдок А. Суверенность Блага / пер. с англ. Е. Востриковой, Ю. Кульгавчук // Логос. — 2008. — № 64. — С. 117–137.
9. Юм Д. Соч.: в 2 т. 2-е изд. — М.: Мысль, 1996. — Т. 2.
10. Carnap R. Psychology in Physical Language // Logical Positivism / ed. by A. J. Ayer. — New York, 1959. — P. 165–199.
11. Lewis C. S. The Abolition of Man (or Reflections on education with special reference to the teaching of English in upper forms of schools). — New York: Harper Collins, 2001. — 123 p.
12. McNaughton D. Moral vision. An introduction to ethics. — Oxford: Blackwell publishing, 1998. — 225 p.
13. Meixner U. Norm, Natur und Nihilismus: Bemerkungen zur moralphilosophischen Essenz von C. S. Lewis' Die Abschaffung des Menschen // Möllenbeck Th., Wald B. (Hrsg.). Gott — Mensch — Natur: zum Ur-Grund der Moral mit Josef Pieper und C. S. Lewis. — Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 2014. — S. 129–149.
14. Quine W. V. Word and object. — Cambridge: MIT Press, 2013. — 309 p.